

Политическая коммуникация в поле медийного пространства (исторический аспект)

DOI 10.22394/1726-1139-2017-5-150-161

Лыткина Лариса Владимировна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Профессор кафедры социальных технологий

Доктор филологических наук, доцент

lvlytkina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследуется политическая коммуникация как своеобразный вид политических отношений, характеризуются уровни и формы политической коммуникации в сфере медийного пространства античности, Средневековья, Возрождения и Просвещения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

медиа, коммуникация, методы политической коммуникации, медиатекст

Lytkina L. V.

Political Communication in the Field of Media Space (Historical Aspect)

Lytkina Larisa Vladimirovna

North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Professor of the Chair of Social Technologies

Doctor of Science (Philology), Associate Professor

lvlytkina@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines political communication as a kind of political relationship and characterizes levels and forms of political communication in media space of antiquity, the middle Ages, the Renaissance and the Enlightenment.

KEYWORDS

media, communication, methods, political communication, media text

Сегодняшнее время — это время господства коммуникации, способной передать информацию «в пределах одной и той же пространственно-временной сферы» [10, с. 16]. Безраздельное влияние этого феномена, по мнению французского социолога Р. Дебрэ, ведет к кризису культуры, утрате связей между прошлым и настоящим, «между когда-то и теперь» [10, с. 16]. Исследователь полагает, что ренессанс коллективной памяти, хронологии, обладание общим прошлым пролегает через «континент Передачи», суть которой — в переносе информации «во времени, между различными пространственно-временными сферами» [10, с. 16], «между „до“ и „после“» [10, с. 21]. Речь идет о передаче ценностей, знаний, идей, концепций, осуществляемых посредством институтов и авторитетов, с опорой на основные локусы (музей, библиотека, школа, церковь, академия и т. д.).

Медиология как учение о средствах передачи знаний и традиций может стать методологической основой прослеживания путей духовного наследования, а также разрывов отношений между поколениями. Но в мире современном именно комму-

никация считается ключевым элементом существования общества. Одним из основных ее маркеров, особой модификацией является коммуникация политическая.

В исследованиях последних лет выделяются, как правило, три участника политической коммуникации. К ним относится сама политическая сфера: государство и обслуживающие его политические деятели; негосударственные учреждения (ряд организаций с политическим уклоном, юридические лица и избиратели); СМИ, в которых обсуждается политика, и которые влияют как на общественность, так и на политическую сферу [14, с. 10–11]. Допустимо предположить, что коммуникативные отношения в политических системах прежних времен складывались иначе. Поэтому представляется небезынтесным рассмотреть функциональные обязанности игроков на политическом коммуникативном поле античности, Средних веков и Возрождения и раннего Просвещения.

Проблемы политической коммуникации, ее функционирования на различных этапах развития человеческого общества были и остаются предметом пристального изучения. Французский исследователь Р.-Ж. Шварценбергер предлагает следующую характеристику термину: «Политическая коммуникация может быть определена как процесс передачи политической информации, посредством которого информация циркулирует между различными элементами политической системы, а также между политическими и социальными системами» [8, с. 5]. При этом возможными способами реализации политической коммуникации являются следующие: коммуникация через печатные и электронные СМИ, коммуникация через организации, коммуникация через неформальные каналы с использованием личных связей.

Передача политической информации, налаживание коммуникативных связей между властью и обществом осуществлялись с древнейших времен. Она появилась вместе с политической деятельностью. По утверждению А. Тертычного, политическая аналитика первоначально существовала не в форме теоретической науки, а как практическое искусство. Примерами таких произведений, по мнению исследователя, были «Архашастра», созданная брахманом Каутильей и «Шан Цзюнь Шу» древнекитайского государственного деятеля Шан Ян [21, с. 104].

В полисах Древней Эллады, в эллинистических государствах, в Римской республике, а затем и Римской империи появилась потребность в директивной, управленческой информации массового свойства. Она дополнялась информацией межличностного или коллективного (публичного) общения. Представители государственной власти рассылали для оповещения своих подданных гонцов, глашатаев, герольдов. С развитием политических форм управления государством возникла потребность не только в оповещении о действиях правителей, но и в формировании общественного мнения.

В демократических полисах Древней Греции на агоре как одном из пространств коммуникации действовало народное собрание — экклесия. Здесь происходило обсуждение различных социальных проблем, велись политические споры, осуществлялся обмен информацией, в частности, по вопросу избрания правительства полиса. Иными словами, на агоре граждане полиса занимались решением политических проблем; в их числе: политическим устройством общества, политическим управлением обществом, распределением или перераспределением властных полномочий [2, с. 11].

Агора, которая была местом всеобщего участия граждан в управлении полисом и способствовала выработке высокого уровня самосознания, исполняла роль своеобразного политического института. Здесь решались споры, заслушивались обвинения, звучали речи в защиту тех или иных проектов или персон. В V в. до н. э. в Афинах на агоре «кишмя кишели» сикофанты [13, с. 331] — профессиональные доносчики, клеветники, шантажисты. Они могли явиться к любому, известному в обществе, человеку с угрозами о привлечении его к суду. Это был целый класс профессиональных обвинителей. Ими закладывались основы «серой» и «черной» пропаганды [22, с. 194–195].

Древний эллин был человеком государственным. Большую часть времени он проводил вне стен своего дома, принимая непосредственное участие в работе экклесии, на агоре, в празднествах, шествиях, состязаниях, симпозиях. Поэтому знание о событиях дня сегодняшнего или недавнего прошлого было для древнего грека важным. К. Куле предполагает, что информацию, в том числе и политическую, эллины могли получать, знакомясь с «публикациями» левкомы. Она могла выполнять роль местных газет [13, с. 88–92]. Очевидно, что подобное издание содержало лишь информацию в узком смысле слова, новость, но не имело комментария, было лишено валютативных начал.

Политическая коммуникация в демократических полисах Древней Греции осуществлялась и через «суд черепков». Каждый гражданин обязан был на глиняном черепке — острагоне начертать, нацарапать имя того политика, чье влияние, по его мнению, было слишком велико и реально могло угрожать власти народа [9, с. 173].

К IV в. до н.э. в Древней Греции сложились два основных вида красноречия: политическое и судебное. Примером политической коммуникации могут служить «Филиппики» Демосфена. «Первая речь против Филиппа» была написана в 351 г. до н.э. [5, с. 76–86]. Тема произведения — жизнь Афин в IV в. до Р.Х. Предметом исследования становится подготовка военных действий против Филиппа Македонского. Идея текста выражена эксплицитно: «...если вы захотите положиться всецело на самих себя и перестанете каждый в отдельности думать о том, чтобы не делать ничего самому, рассчитывая, что другие за вас это сделают, тогда вы и свое собственное получите, если богу будет угодно, и потерянное по легкомыслию вернете обратно, и ему (врагу. — Л.Л.) отомстите» [5, с. 77]. Повествователь ведет речь о партиципаторной демократии, при которой каждый считает себя ответственным за дела государства, а не только за свои собственные. Это заключение может быть дополнено еще одним прямым высказыванием повествователя: «... все должны проникнуться желанием и готовностью исполнять свой долг» [5, с. 78].

Эпоха эллинизма — это господство монархий. Правление оказалось сосредоточено в руках царских слуг, членов семьи правящей династии, государственных служащих, хотя предполагалось, что цари действуют непосредственно и лично [16, с. 8–10]. Таким образом, свобода слова, внимание к чужому мнению, публичное обсуждение проблем не имело веса, оказалось не востребованным. Выражение общественного мнения не получало поддержки, что тормозило и развитие политической коммуникации.

В Римской республике в период консульства Юлия Цезаря (100–44 гг. до н.э.) появились первые рукописные газеты. С 59 г. до н.э. в «Acta Senatus» начинают публиковаться протоколы сенатских совещаний, чем снимается завеса тайны с политической жизни Рима. Эти акты вывешивались в таком месте, где с ними мог ознакомиться каждый. Они представляли собой информативные издания об основных политических событиях, государственных церемониях, деятельности сенаторов. Ранее информация об этом была закрытой для широкой публики. Есть сведения, что «Acta Senatus» перестали выходить при императоре Тиберии (14–37 гг.), посчитавшем, что газета исказила его политический имидж [19, с. 40]. По утверждению же Г. Буассье, газета просуществовала до V в., оставаясь сугубо официальной, «сухой и однообразной» [4, с. 15]. Ее получали в метрополии и провинциях. Но уже с начала правления императора «Тиберия высшая власть стремилась к закрытости, оставляя на долю Сената только относительно незначительные дела, а для общественного мнения — только цензурованные новости в городской газете» [1, с. 33–34].

В I в. до н.э. в Риме преобладало политическое красноречие. Выступления политиков-ораторов (Гай Грахх, Сервий Сульпиций, Гортензий, Марк Антоний, Марк

Тулий Цицерон) были чрезвычайно популярны и в период гражданской войны, и годы установления империи [5, с. 88].

Политическая публицистика этого периода наиболее убедительно представлена речами Марка Тулия Цицерона. Его «Первая речь против Луция Сергия Катилины» была произнесена в Сенате 8 ноября 63 г. до н.э. [5, с. 90–100]. Луций Сергий Катилина был политическим противником консула Цицерона. Катилина готовил заговор против Рима, возможно, против Римской республики в пользу установления монархии. Темой произведения Цицерона становится жизнь Римской республики I в. до н.э. Обсуждаемый предмет — политические баталии в Сенате с врагами государства. Идея текста может быть охарактеризована следующим образом: борьба с политическим противником — это трудное и опасное дело, но это — уничтожение «моровой болезни в государстве». Достичь победы над противниками — не означает лишить их жизни. Враг государства, по мнению автора текста, уничтожает сам себя, оказавшись среди своих сторонников, но идя против силы и правоты государства. По мнению Цицерона, ненависть, порожденную доблестью, следует считать не ненавистью, а славой. Снисхождение к врагу делает его бессильным, лишает воли к продолжению борьбы.

Цицерон прославился и политическими речами против Марка Антония, которые, по примеру Демосфена, именовал «филиппиками».

Феноменом Средневековья была публицистическая письменная культура Византии. Она создавалась на греческом языке и сложилась в районе восточного Средиземноморья в IV–VI вв., а перестала существовать в середине XV в., когда в 1453 г. правитель Османской империи Мехмед II въехал в Константинополь. «Византий» — это античное название города на Босфоре, который в 330 г. был переименован в Константинополь, город императора Константина I (306–337 гг.). Его называли «Новым Римом», а подданные именовались «римлянами»; на средневековом греческом выговоре это звучало как «ромеи».

В III в. Римское государство (точнее — греко-римское) переживало глубокий кризис. Страна испытала потрясения от народных выступлений, внутренних войн. Росли налоги, поборы, государственные повинности.

В этот же период наблюдается стремительный подъем христианства как идеологии, ибо языческие боги, по мнению людей, уже не могли никого защитить.

Император Диоклетиан (284–305 гг.) искал выход из кризиса. Он сделал попытку изменить, перестроить саму идею государственности. Факторами стабилизации общества он видел:

- 1) абсолютную монархию;
- 2) единую государственную религию.

Однако Диоклетиан сделал ставку на традиционное язычество и приступил к репрессиям против христиан.

Это было заведомо неверным шагом. Как позднее определит Амвросий Медиоланский (340–397 гг.) в «Письме об Алтаре Победы», «...только христианская вера — истинное, ибо все остальное — это суеверие»; «язычество далеко от истины»; «это поклонение идолам».

Вслед за Диоклетианом и император Юлиан «Отступник», и император Евгений защищали обреченное дело.

Император Константин I (306 — 337 гг.) пошел на союз с христианами. Он перед смертью принял крещение. С этого момента и начинается собственно новая эпоха.

В 325 г. Константин созывает Первый вселенский собор. С него началась идейная и организационная консолидация христиан.

В 380 г. император Феодосий I объявляет ортодоксальное христианство единственной государственной религией. Но на протяжении IV и V вв. христианство еще должно было бороться с язычеством [6, с. 10].

В Средние века политическая коммуникация Византии осуществлялась в границах эпистолографии. Борьбу сторонников старой языческой религии (Либаний, Фемистий, Гимерий и др.) с представителями становящегося нового христианского учения (Захарий Схоластик, Василий Кесарийский, Григорий Назианзин, Иоанн Златоуст и др.) допустимо рассматривать как противостояние политическое. Особенно отчетливо политическая проблематика заявляет о себе в деловых политических письмах в форме вопросов и ответов в VII–IX вв. (Студит, Фотий). В XIV–XV вв. послания приобретают политико-философское содержание. Примерами политической эпистолографии, стремящейся возродить культ древних богов, могут служить произведения Либания «Императору Феодосию в защиту храмов» (384 г.) и «Надгробная речь Юлиану» (395 г.). Ему противостояли послания Иеронима Стридонского, Амвросия Медиоланского, Аврелия Августина — представителей ранней латинской христианской риторики.

В целом же византийское эпистолярное наследие не лишено общественно-политических начал, хотя чаще послания — это выражение субъективного впечатления авторов. Василий Кесарийский, Афанасий Александрийский, Григорий Нисский, Григорий Назианзин, Феодор Студит, Михаил Пселл и др. в свои письма вносят ценные сведения о внутригосударственной и внешнеполитической борьбе Византийской страны.

Средневековое оставило нам и интересные рукописные книги светского содержания. Они отражали особенности развития не только торговой, но и политической коммуникации. Так, в Италии XIII–XV вв. сформировался оригинальный тип рукописной прозы, вошедший в историю под названием «литературы купцов», или «литературы меркатори», в жанре рикорданци.

Венецианский купец Марко Поло (1254–1324) оставил нам «Книгу о разнообразии мира», текст которой был записан Рустичано (Рустикелло) Пизанским в 1298 г.

«Книга о разнообразии мира» отражает реальные наблюдения за жизнью Монголии, Китая, Индии и лишь отчасти передает особенности политической коммуникации (описание встреч с правителями стран). Торговой же коммуникации Средневековья автор уделяет достаточно большое внимание. Читатели знакомятся с состоянием дорожной сети, ценами, средствами передвижения, речными портами и судами. Повествователь — купец считает себя главным носителем информации о дальних странах и стремится представить ее полно и подробно [18].

Несколько иными по содержанию оказались записки флорентийского купца Бонаккорсо Питти, охватывающие период с 1374 по 1396 гг. [17]. Питти был купцом, но и ростовщиком, торговцем деньгами, которому приходилось совершать поездки «с дипломатическими поручениями к герцогам Голландии и Бургундии, королю Франции и другим монархам Европы» [19, с. 85]. Его «Хроника» была информативным текстом. Она включала небольшие комментарии, минимальные оценки, чаще выраженные имплицитно.

Во Франции средневековые светские хроники также были ориентированы на политическую проблематику. Жоффруа I де Виллардуэн в книге «Завоевание Константинополя» подробным образом описал IV Крестовый поход, а Жан де Жуанвиль в «Книге благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» рассказал о трагических событиях Крестового похода в Египет Людовика IX. Авторы названных произведений — близкие монархам, крупные политические деятели и дипломаты, принимавшие непосредственное участие в реализации внешней и внутренней политики своей страны.

Жоффруа де Виллардуэн, благородный рыцарь, участник Четвертого крестового похода (1198–1204 гг.) публикует свой рассказ об этом событии в книге «Завоевание Константинополя», которая вышла около 1210 г. [7, с. 5–127].

Крестовые походы XI–XIII вв., инициированные папой Урбаном II в 1095 г., были выдающейся массовой политической акцией христианской церкви, убедившей ты-

сячи верующих подняться на борьбу с мусульманским миром за охранение Гроба Господня. В 1203 г. произошло взятие и разграбление Константинополя участниками Четвертого крестового похода [11, с. 102–104].

«Завоевание Константинополя» — это светская политическая, а не клерикальная хроника. Книга сложена из 21 главы; время действия охватывает период с 1199 по 1207 гг. Перед нами действительно в строгом хронологическом порядке изложены все перипетии Четвертого крестового похода, считавшегося одной из самых успешных кампаний, провозглашенных Римскими папами.

По литературно-родовым свойствам это публицистический текст, представляющий реальные факты, события, биографии. Так, в первой главе «Призыв к IV Крестовому походу (1199–1201 гг.)» повествователь четко обосновывает причины появления во Франции идеи IV Крестового похода, ролей в этом событии священника Фулька из прихода Нейи, кардинала, монсеньера Пьетро де Капуа и папы Иннокентия. В строгом соответствии со временем «принятия креста» перечислены 97 имен знатных мужей Франции, а также рассказано о собрании Советов в Суассоне и Компьене, «принявших на себя обет участия в Крестовом походе» [7, с. 12].

В главе второй «Договор с венецианцами», действие в которой разворачивается в апреле 1201 г., сообщено о посещении французскими послами Венеции и о достигнутых договоренностях о предоставлении «военных кораблей и транспортов», чтобы совместными силами «отомстить за поругание, учиненное над Господом нашим, и ...отвоевать Иерусалим» [7, с. 14].

Повествователь стремится к предельной точности. Он тщательно прописывает все этапы дипломатических встреч и переговоров посланников с дожем Венеции Энрико Дондоло и советом города, приводит итоговые документы переговоров, подкрепленные конкретными данными, в частности, о количестве судов, их вместимости, стоимости услуги, времени подготовки к походу.

Все остальные главы построены по тому же принципу: строгая последовательность в изложении событий, представление места действия, точные даты, имена участников.

Хроникальность книги находит подтверждение и в подзаголовках глав. Так, рассказанное в первой главе датировано 1199–2001 гг.; во второй — маем-сентябрем 1201 г.; в третьей главе время действия отнесено к июню-сентябрю 1202 г. и т. д.

Создавая сюжет произведения, Ж. де Виллардуэн вступает «с изображаемым в безусловную субъективную связь с точки зрения рассказа» (Г.В.Ф. Гегель). Он выступает повествователем скрупулезным, дотошным, точным до всего произошедшего в период подготовки к Крестовому походу и завоевания Константинополя, начиная с Рождественского поста 1199 г. по сентябрь 1207 г.

Хронику-мемуары маршала Шампани и Романии отличает точность изложения событий крестового похода. Жоффруа де Виллардуэн скрупулезно отмечает все этапы подготовки к походу (главы «Проповедь крестового похода», «Принятие обета крестового похода», «Переговоры и соглашение с Венецией о перевозе», «За море», «Сборы в поход» и др.), сам поход. Важными для автора «Завоевания Константинополя» являются и временные характеристики события: «Крестоносцы в Венеции: нехватка денег (июль-сентябрь 1202 г.)», «Сдача города. Коронация Алексея V (18 июля — 1 августа 1203 г.)», «Раздел и оккупация земель (октябрь 1204 — февраль 1205 гг.)».

Жоффруа де Виллардуэн — описатель событий, действий людей, стремящийся к нейтральному, фактографическому изложению. В этом смысле перед нами текст, ориентированный на публицистический способ типизации. Повествователь не создает сюжет, составляющий «комбинацию лиц и событий»; он ответственный наблюдатель, фиксирующий все, что видел сам и получил из достоверного источника. Иными словами, повествователь строго ориентируется на информацию первого и второго порядка.

На публицистический способ типизации указывает и тип повествователя, близкого во всем биографическому автору. Ж. де Виллардуэн — участник исторического политического события. Он повествует только о том, что знал и видел лично. Примерами тому служат следующие вкрапления в текст его прямых высказываний: «Я не могу передать вам все слова, которые были там сказаны и произнесены, однако конец речи был таков...» [9, с. 15]; «А теперь разрешите мне рассказать об одном из самых замечательных и необычных происшествий...» [7, с. 36]; «Я не могу назвать вам всех, кто споспешествовал этому делу» [7, с. 58]; «И Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, автор этого труда, который ни разу ни единым словом не солгал умышленно о том, что ему ведомо» [7, с. 61]; «А теперь позвольте мне рассказать о примере удивительной доблести» [7, с. 88]; «И Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, автор этой хроники, свидетельствует» [7, с. 90].

Но перед нами не традиционный для хроники субъективированный повествователь. Он может предстать перед нами и в aukториальной форме, что подчеркивает стремление автора к объективированному повествованию, нейтральному изложению событий с позиций стороннего наблюдателя.

В действительности же повествователь, казалось бы, строго следует своему плану рассказа о политической кампании, реализуя идею книги: Крестовый поход — это дело истинных защитников гроба Господня, поборников Христианской веры. Но это внешняя, видимая сторона концепции, которая формируется авторской волей, логикой повествования. Крупный военачальник, дипломат Жоффруа де Виллардуэн не раскрывает истинных целей предприятия: Крестовые походы — это ширма, прикрывающая действительные намерения их участников; главным является обретение, завоевание новых территорий, захват богатств Востока, обогащение Франции, ее знати.

На экспозитивный тип повествования «Истории» указывает множественность и точность географических названий (городок между Парижем и Ланьи — сюр-Мари-Нийи, провинции Франции, Венеция, Генуя, города Сквадонии (Харватии), гавань Корфу, Константинополь и его окрестности, Фессалоники, Демотики, Никея, Спига, Лопадий, Адрамиттея, Абидос. Андрианополь и др.). Но топографическое описание не отличается разнообразием. По воле повествователя, оценивающего города как объекты для завоевания, они не требуют индивидуальности в представлении: «город, укрепленный высокими стенами и величавыми башнями» [7, с. 41], «очень красивый город с названием Халкис» [7, с. 62], «Константинополь... прекрасный город..., высокие стены и могучие башни, ...богатые дворцы» [7, с. 64], город Никитца «очень красивый и превосходно укрепленный» [7, с. 177], «Даониум... очень красивый и надежно укрепленный город» [7, с. 213] и т. п.

В книге описаны действия только реальных исторических личностей (дож Венеции Энрике Дондоло, графы и бароны Франции, король Венгрии, императоры Константинополя Исаак II Ангел, его брат Алексей II, Алексей III, германский регент империи граф Анри, король Филипп Швабский, царь Иоханнитцы, король Валахии и Болгарии). Но автор «Истории» не дает их портретных описаний.

Особенности реализации функций повествователя в тексте также указывают на экспозитивный тип повествования. Так, организация функции сюжетоведения продиктована жанровыми интенциями рассказчика. Хроника предписывала выстраивание тематических блоков, развивающих сюжет, преимущественно по ассоциации. Задача автора состояла в последовательном изложении всего произошедшего с момента возникновения идеи Крестового похода против Константинополя до завоеваний императора Анри за пределами страны и гибели маркиза Бонифация Монферратского от рук болгар, подданных царя Иоханнитцы.

Ж. де Виллардуэн, стремясь проблематизировать повествование, обращается к различным приемам создания полей напряжения текста. Главное из них возни-

кает в первой главе: папа Иннокентий «поручил этому благочестивому мужу (священнику Фульку, — Л. Л.), чтобы тот проповедовал крестовый поход от его, папы, имени» [7, с. 8]. Читатель задается вопросами: удастся ли Фульку его миссия? Состоится ли поход? Получится ли собрать участников? Возможна ли победа над Константинополем? Смогут ли воины защитить гроб Господень? Этот конфликтный узел распутывается лишь в конце 12 главы «Вторая осада Константинополя (февраль-апрель 1204 г.)»: крестоносцы «захватили самый могущественный, самый богатый, самый укрепленный город во всем мире» [7, с. 130].

Перед нами информационно насыщенный текст. Комментарии, оценки, суждения повествователя составляют лишь незначительную часть хроники. Исследователь творчества Ж. де Виллардуэна А. Заборов отмечает: «Нет в тексте восторженности, непосредственности, излияния чувств. Жоффруа де Виллардуэн сдержан в повествовании, его не интересуют житейские, бытовые подробности событий, о которых он рассказывает... Маршал Шампани почти везде остается в рамках прозаически-делового изложения того, чего он был прямым участником, очевидцем» [11, с. 145].

Но светский деловой человек, лишенный сентиментальности, принадлежащий к кругу высшей знати, имеющий доступ к важным официальным документам, не всегда остается нейтральным повествователем. Знаковость текста, рефлексия могут быть выделены. В гл. 7 «Поход в Скутари» читаем: «И Жоффруа, маршал Шампанский, который продиктовал это произведение и который ни разу ни единым словом не солгал с умыслом» [7, с. 61]. Иными словами, «искажение» фактов допускается автором «Завоевания» лишь в случае неполного знания или возможного неведения. Хотя исследователи творчества Виллардуэна не исключают и выполнения им «политического заказа» [7, с. 180].

Непосредственное отражение авторского «я», его эмоции действительно обнаруживаются в нескольких фрагментах. Например, при оценке дожа Венеции Энрике Дондоло: «Это был муж поистине великой души»; «Народ той земли и пилигримы были весьма тронуты всем этим, и много было пролито слез, ибо сей почтенный старец имел такие веские причины оставаться дома: ведь он был в преклонных годах, и на его лице были прекрасные очи, коими, однако, он ни капли не видел, потому что потерял зрение от раны в голову. Это был муж поистине великой души! Ах! Как мало походили на него те, которые, чтобы избежать опасности, отправились в другие гавани» [7, с. 9–11].

При характеристике подготовленного венецианцами флота Виллардуэн не скрывает эмоции: «И флот, который они подготовили, был столь богат и прекрасен, что никогда еще ни один христианин не видывал ничего более богатого и прекрасного» [7, с. 16]. А вот таким описан Константинополь: «Они не могли представить себе, что на свете может существовать такой богатый город, когда увидели эти высокие стены, и эти могучие башни, которыми он весь кругом был окружен, и эти богатые дворцы, и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог поверить...» [7, с. 176].

Таким образом, публицистические начала текста поддаются вычленению, но играют подчиненную роль в системе повествования. Жоффруа де Виллардуэн остается хронистом, скрупулезным, внимательным, стремящимся к документально точной фиксации всего виденного. Можно предположить, что перед нами тип изложения, тяготеющий к презентативному. Автор стремится минимизировать свое участие в тексте, оставаясь лишь индифферентным регистратором происходящих на его глазах событий.

Жан де Жуанвиль, также благородный рыцарь, девятый сеньор Жуанвиля и наследственный сенашел (придворный чин. — Л. Л.) Шампани, принадлежал к ближайшему окружению короля Франции Людовика IX (1226–1270). Это был первый французский государь, канонизированный церковью.

Личности Людовика Святого и посвятил Жан де Жуанвиль «Книгу благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» [12]. Работу над ней автор завершил в октябре 1309 г. Книга состоит из 769 параграфов-главок и повествует в основном о времени 1248–1254 гг., когда Людовик совершал Крестовый поход против Египта.

Перед нами не художественный, а публицистический текст. Субъективированный повествователь (близкий биографическому автору) воссоздает хронику событий похода и последующей, французской жизни короля. Он добросовестно фиксирует все происходящее, оставаясь описателем и единственным действующим лицом, берущим на себя оценку виденного.

В эпоху Возрождения политическая проблематика оказывается предметом внимания в листках новостей, на страницах фуггер-газет, в изданиях «Франкфуртских ведомостей». Развитию интереса к политической тематике способствовала художественная литература и публицистика (С. Брандт «Корабль дураков», сочинения Т. Мурнера, Э. Роттердамского, У. фон Гуттена, М. Лютера, политическая сатира П. Аретино).

Появление первых европейских газет (ок. 1605–1609 гг.) отмечено интересом к вопросам управления обществом. Издания С. Пэка, М. Нэдхэма, «Ревю» Д. Дефо в Англии по праву считаются пионерами политической печати. Во Франции «Газетт» Т. Ренодо — официоз, выходивший под патронатом кардинала Ришелье, публиковал политические новости Европы. А «газеты в стихах» — национальный жанр в разгар Фронды, отдавал предпочтение «мазаринадам», политической сатире на кардинала Мазарини. В Испании листки новостей — реласьонес уделяли значительное место политической тематике. Ф. Ф. Бремундан, считающийся первым политическим журналистом Испании, издавал «Гасету, или Сообщения о политических и военных событиях, имевших место в большей части света...».

В XVI в. в период становления великорусского национального государства И. С. Пересветовым были созданы публицистические произведения в жанре политического памфлета. Согласно его заключениям, высказанным в ряде посланий («Первая челобитная (Царю на утешение)», «Сказание о царе Константине», «Сказ о Магмете-султане», «Сказание о Петре, воеводе волосском», «Предсказания философов и докторов», «Вторая челобитная», «Сказание о книгах») [20], залогом государственного благосостояния становятся неограниченная царская власть, грозно охраняющая правду и справедливость, и войско, состоящее из верных слуг царевых, выдвинутых не родовитостью, а личными достоинствами. Именно эта идея объединяет все творчество писателя. Таким образом, можно заключить: перед нами тексты, отражающие особенности политической коммуникации в период царствования Ивана Грозного.

Сам монарх был автором ряда политических посланий: «Первое послание Курбскому» (1564 г.), «Второе послание Курбскому» (1577 г.), а также «Послание английской королеве Елизавете» (1570 г.), «Первое послание шведскому королю Юхану III» (1572 г.), «Второе послание шведскому королю Юхану III» (1573 г.), «Послание в Кирилло-Белозерский монастырь» (1573 г.), «Послание Василию Грязному» (1574 г.), «Послание Полубенскому» (1577 г.), «Послание Яну Ходкевичу» (1577 г.), «Послание польскому королю Стефану Баторию» (1581 г.) и др.

Первая рукописная газета Московского государства появилась при династии Романовых. Царь Михаил Федорович (1613–1645) и его окружение проявили интерес к газетам Западной Европы. Получаемую информацию Романовы пытались использовать и в личных целях, и для защиты государственных интересов. В этих рукописных «Курантах», «Столбцах» или «Вестовых письмах» помещалась, в частности, информация политического свойства: 1) о военных событиях в разных европейских государствах, иногда даже с критическими замечаниями; 2) о событиях при разных дворах, увеселениях, переписке государств между собой; 3) о действиях государ-

ственных семейств, борьбе парламента с королем в Англии; 4) о дипломатических сношениях между правительствами, договорах, союзах» [15, с. 133–134].

Петровские «Ведомости», или точнее «Ведомости о военных и иных делах, достойных значения и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах» [3, с. 11], возникли не в силу потребностей в них общества, а по воле царя-преобразователя. Это было официальное издание, публикующее в первую очередь информацию политическую.

Краткий экскурс в историю политической публицистики позволяет заключить: в античные времена, в эпохи Средневековья и раннего Возрождения политическая тематика в медийном пространстве, хотя и была направлена к безличной аудитории, получала выражение в информационном, а не аналитическом воплощении. По утверждению А. Г. Алтуняна, политический текст, как исторический феномен, начинает формироваться в XVII–XVIII вв. Исследователь выделяет несколько факторов, способствовавших этому: распространение идеологии эпохи Просвещения, становление мировоззрения Нового Времени; возникновение и утверждение представительного образа правления; возникновение по-настоящему массовых современных изданий, которые доходили до всех слоев общества [2, с. 97–113].

Суждения ученого, базирующиеся на анализе конкретных произведений [2, с. 339–346], ориентированных на исследование политической проблематики, не вызывают возражений. Следует согласиться, что подлинная политическая аналитика в медийном пространстве, т. е. тексты политической коммуникации в собственном смысле слова, начала заявлять о себе лишь с появлением качественной прессы, газет «с мнением».

Итак, в демократических полисах Древней Греции политическая коммуникация имела свои особенности. В политику были вовлечены все граждане городов-государств. Использовалась эффективная форма прямой, без посредников политической коммуникации на агоре при проведении общественных собраний-эклесий, во время «суда черепков». Но институт посредничества уже начинает формироваться и предстает в виде «публикаций» леквоматы, «политтехнологий» сикофантов.

В эллинистических государствах-монархиях, в Древнем Риме политическая коммуникация была линейным процессом, исходящим от власти к населению. Но «*Acta Senatus*» и «*Acta diurna...*» — протогазеты Древнего Рима — выступали посредниками между политической сферой и народом.

В Средние века роль посредника выполняют рукописные листки новостей и книги, но политическая коммуникация V–XIV вв. не являлась деятельностью, направленной на массовую аудиторию.

В XV в., с изобретением в Европе печатного пресса, технологии стали оказывать непосредственное влияние на политическую коммуникацию. Политические деятели начали публиковать свои пропагандистско-агитационные материалы и рассылать их читателям (первые газеты), или размещать их в местах, где их мог видеть народ [14, с. 19]. Но и в период позднего Возрождения, и в Новое Время (эпоха Просвещения) политическая коммуникация происходит сверху вниз, народ не может обращаться к политическим группам.

Политическая коммуникация античности, Средних веков, Возрождения и раннего Просвещения осуществлялась с помощью разнообразных приемов и средств, разными уровнями политических сил, выполняла информационные и стимулирующие функции, но и в те времена «она сводилась к «победе» или убеждению других, и ее единственная цель заключалась в получении власти» [14, с. 24].

Литература

1. Анжель Ж.-М. Римская империя. М. : Астрель, АСТ, 2004.
2. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов. М. : Логос, 2006.

3. Балицкий Г. А. Зарождение периодической печати в России. СПб. : Сенатская тип., 1908.
4. Буассье Г. Газета Древнего Рима // История печати: Антология. М. : Аспект Пресс, 2008. С. 5–32.
5. Введение в мировую журналистику. От Античности до конца XVIII века: хрестоматия / сост. Г. В. Прутков. М. : Аспект Пресс, 2007.
6. Византийская литература. М. : Наука, 1974.
7. Виллардуэн Жоффруа де. История завоевания Константинополя. М. : Центрполиграф, 2013.
8. Гаврилова М. В. Методы и методики исследования политической коммуникации. СПб. : Изд-во Невского ин-та яз. и культуры, 2008.
9. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция. М. : Мир энцикл. Аванта: Астрель, 2008.
10. Дебрэ Р. Введение в медиологию. М. : Праксис, 2010.
11. Делорм Ж. Основные события Средневековья. М. : Астрель: АСТ, 2004.
12. Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб. : Евразия, 2007.
13. Куле К. СМИ в Древней Греции. Сочинения, речи, разыскания, путешествия. М. : Нов. лит. обозрение, 2004.
14. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков : Изд-во «Гуманитарный Центр», 2010.
15. Обьедков И. В. История отечественной журналистики. М. : МГТУ ГА, 2005.
16. Пети П., Ларонд А. Эллинистические цивилизации. М. : Астрель : АСТ, 2004.
17. Питти Бонаккорсо. Хроника. М. : Наука, 1972.
18. Поло Марко. Книга о разнообразии мира. М. : ЭКСМО, 2005.
19. Поचेаев Р. В. История связей с общественностью. СПб. : Питер, 2007.
20. Ржиги В. Ф. И. С. Пересветов — публицист XVI в. М., 1908.
21. Тertychnyy A. A. Аналитическая журналистика. М. : Аспект Пресс, 2013.
22. Яковлев И. П. Ключи к общению. Основы теории коммуникации. СПб. : Авалон : Азбука-классика, 2006.

References

1. Angele J.-M. *Roman Empire* [Rimskaya imperiya]. M. : Astrel, AST, 2004. 157 p. (rus)
2. Altunyan A. G. *Analysis of political texts* [Analiz politicheskikh tekstov]. M. : Logos, 2006. 384 p. (rus)
3. Balitskiy G. A. *Origin of periodicals in Russia* [Zarozhdenie periodicheskoi pechati v Rossii]. SPb. : Senat printer [Senatskaya tip.], 1908. 79 p. (rus)
4. Buasye G. *Newspaper of Ancient Rome* [Gazeta Drevnego Rima] // Press History: Anthology [Istoriya pechati: Antologiya]. M. : Aspect Press, 2008. P. 5–32. (rus)
5. *Introduction to world journalism. From Antiquity until the end of the 18th century* [Vvedenie v mirovuyu zhurnalistiku. Ot Antichnosti do kontsa XVIII veka]: Anthology / Collection of. G. V. Pruttskov. M. : Aspect Press, 2007. 428 p. (rus)
6. *Byzantine literature* [Vizantiiskaya literature]. M. : Science [Nauka], 1974. 263 p. (rus)
7. Geoffrey of Villehardouin. *History of a gain of Constantinople* [Istoriya zavoevaniya Konstantinopolya]. M. : Centrepolygraph, 2013. 255 p. (rus)
8. Gavrilova M. V. *Methods and techniques of a research of political communication* [Metody i metodiki issledovaniya politicheskoi kommunikatsii]. SPb. : Publishing house of the Nevsky Institute of Language and Culture [Izd-vo Nevskogo in-ta yaz. i kul'tury], 2008. 92 p. (rus)
9. Gasparov M. L. *Entertaining Greece* [Zanimatel'naya Gretsiiya]. M. : World encyclopedia Avanta : Astrel [Mir entsikl. Avanta : Astrel'], 2008. 464 p. (rus)
10. Debre K. *Introduction to a medialogy* [Vvedenie v mediologiyu]. M. : Praxis, 2010. 190 p. (rus)
11. Delorme J. *Main events of the Middle Ages* [Osnovnye sobytiya Srednevekov'ya]. M. : Astrel: AST, 2004. 160 p. (rus)
12. Joinville J. *Book of pious set phrases and kind acts of our Saint King Ludovic* [Kniga blagochestivkh rechenii i dobrokh deyanii nashego svyatogo korolya Lyudovika]. SPb. : Eurasia, 2007. 400 p. (rus)
13. Coulet C. *Media in Ancient Greece. Compositions, speeches, investigations, travel* [SMI v Drevnei Gretsii. Sochineniya, rechi, razyskaniya, puteshestviya]. M. : New Literature review [Nov. lit. obozrenie], 2004. 256 p. (rus)
14. Lilleker D. *Key Concept in Political Communication* [Politicheskaya kommunikatsiya. Klyuchevye kontsepty]. Kharkiv : Humanitarian Center publishing house [Izd-vo «Gumanitarnyi Tsentr»], 2010. 300 p. (rus)

15. Obyedkov I. V. *History of domestic journalism* [Istoriya otechestvennoi zhurnalistiki]. M. : Moscow State Technical University of Civil Aviation [MGТУ GA], 2005. 104 p. (rus)
16. Petit P., Larond A. *Hellenistic civilizations* [Ellinisticheskie tsivilizatsii]. M. : Astrel: AST, 2004. 158 p. (rus)
17. Pitti Buonnaccorso. *Chronicle* [Khronika]. M. : Science [Nauka], 1972. 214 p. (rus)
18. Polo Marco. *The book about a variety of the world* [Kniga o raznoobrazii mira]. M. : EKSMO, 2005. 480 p. (rus)
19. Pohekayev R. V. *History of public relations* [Istoriya svyazei s obshchestvennost'yu]. SPb. : Piter, 2007. 288 p. (rus)
20. Rzhiga V. F. I. S. *Peresvetov — publicist of the 16th century* [Peresvetov — publitsist XVI v.]. M., 1908. 149 p. (rus)
21. Tertychny A. A. *Analytical journalism* [Analiticheskaya zhurnalistika]. M. : Aspect Press, 2013. 352 p. (rus)
22. Yakovlev I. P. *Keys to communication. Bases of the theory of communication* [Klyuchi k obshcheniyu. Osnovy teorii kommunikatsii]. SPb. : Avalon : Alphabet-classics [Avalon : Azbuka-klassika], 2006. 240 p. (rus)